ШАМАНСКАЯ ПЕСНЯ УЛЕЙСКОЙ ДЕВУШКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ЗАПАДНЫХ БУРЯТ*

Шаманская музыка бурят представляет особое жанровое явление в традиционной культуре народов Сибири. Благодаря труду бурятских ученых рассмотрены структура и функциональность бурятского шаманизма, типология и специфика шаманского фольклора, семантика и поэтика шаманских песнопений бурят. Однако, к сожалению, совсем не изучена музыкальная составляющая шаманского фольклора бурят, еще не ставшая предметом специального исследования.

В настоящей статье впервые предпринят анализ культурной традиции и музыкальных особенностей шаманских песнопений западных бурят, основанный на материалах музыкально-этнографической экспедиции ИМБТ СО РАН (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук) в Иркутскую область в августе 2008 года. В реализации экспедиционного проекта, посвященного шаманской музыке западных бурят, большое значение имела работа по поиску информантов, владеющих сакральными знаниями поющейся шаманской поэзии. В ходе экспедиции были проведены и записаны беседы с двенадцатью западнобурятскими шаманами *бөө*[1]. Большинство информантов, в возрасте от 52 до 65 лет, начали шаманскую деятельность сравнительно недавно (90-е гг. XX в. – 2000-е гг. XXI в.) и, к сожалению, не владеют музыкальной информацией. Некоторые вспоминают имена ушедших из жизни родовых шаманов, отличавшихся прекрасным знанием шаманских песнопений и призываний, красивым и сильным голосом и умением завораживать публику магией своего пения. Очевидно, в Эхирит-Булагатском, Баяндаевском и Качугском районах Иркутской области живая традиция поющейся шаманской поэзии уже не сохранилась. В этой связи уникальную ценность представляют аудио- и видеозаписи песнопений, записанные от шамана Владимира Емельяновича Харханова[2] из села Кутанка Осинского района Иркутской области. Имея высокий шаманский статус *ёдоото бөө*, позволявший проводить различные шаманские обряды в течение почти тридцати лет, он обладал удивительной музыкальной способностью исполнять шаманские песнопения *бөө-удаганай дуунууд*[3] и призывания *дурдалга*.

В.Е. Харханов рассказал легенду об Улейской девушке и спел шаманскую песню, услышанную им во сне от своего дяди, большого родового шамана. В комментариях информант особенно подчеркнул, что эту песню нельзя петь ни при каких обстоятельствах[4].

Улейская девушка из шаманского рода вышла замуж и уехала жить в Мольку. Там ее обижали, садили в колодку и она, не выдержав истязаний мужа и тестя, убежала, сев на необъезженного коня. За ней погнались вдогонку, но, увидев, что она скачет без седла на необученном коне, испугались и отстали от нее. Дома в селе Улей родители не приняли дочь, а в колхозе имени Ворошилова жила ее сестра, которая пожалела и приютила на время. На второй день после ее приезда в этом селе состоялась свадьба, на которую были приглашены сестры. Улейская девушка была очень красивой с длинными косами до земли и на свадьбе все обратили на нее внимание. Молодые парни предлагали ей выйти замуж, но она отказывалась, рассказав о том, что она была замужем, о своей горькой судьбе и жестокости мужа и тестя. Она спела песню, в которой выразила свою обиду. Затем пошла в лес, обмотала шею своими косами и повесилась.

---

* Исследование осуществлено при поддержке РГНФ, проект № 08-04-62760 е/т.

Эта удивительная легенда основана на реальных событиях, произошедших с одной девушкой из села Улей Осинского района Иркутской области, ставшей после трагической смерти *заянкой*[5]. По сведениям С.П. Балдаева[6], ее настоящее имя – Дүүхэй Баршутханова (вариант – Боолой) [1, *50-52*]. Безусловно, ее трагическая судьба стала источником различных шаманских легенд, записанных известными бурятскими фольклористами С.П.Балдаевым [1, *48-49, 50-52*], М.Н.Хангаловым [5, *495*], И.А. Манжигеевым [4, *30, 79-80*] и др.

Все варианты легенды об Улейской девушке отражают генезис шаманского культа *Улеэе олон* (Улейские многие), распространенного среди осинских бурят, особенно жителей села Улей Осинского района Иркутской области. По преданию культ *Улеэе олон*, включающий более трехсот шестидесяти почитаемых духов или заянов, возник вследствие коллективного суицида и сумасшествия молодых девушек и юношей из Улея, а также проклятия Дуухэй, наложенного на улейских мужчин[7]. По данным И.А.Манжигеева, этот культ «появился в начале XIX века после коллективного самоубийства 17 девушек во главе с насильно выданной замуж прославленной красавицей *Буржухайн дүүхэй*[8] … С тех пор, по поверью местных шаманистов, каждая трагически умершая красивая девушка, имевшая хороший голос, считалась призванной в число «Улейского множества» [4, *79-80*]. Согласно преданию, они целой толпой ночью ходили из улуса в улус с песнями и призываниями, уводили людей в лес и издевались над ними [там же]. Вероятно, в недрах культа *Улеэе олон* возник один из самых сакральных жанров шаманского фольклора бурят как *Найгуур* или *Бөөлөөшэн*[9].

Выясняя семантику шаманского культа *Улеэе олон* (Улейские многие) обратимся к содержанию легенды об Улейской девушке Дүүхэй Баршутхановой, записанной С.П.Балдаевым более шестидесяти лет назад в 1947 г. от 78-летнего Егора Хохонова из Улейского улуса Осинского аймака Усть-Ордынского национального округа Иркутской области [1, *50-52*].

«Шаманка Дүүхэй Баршутханова происходила из улуса Тулэгэйского, ныне Улейского булука Осинского аймака Усть-Ордынского национального округа Иркутской области. Она была замечательной красавицей. Многие сватались к ней, но она выбрала Ута Хара Мухора, сына Питон Хара Батана ноетского рода из Балаганского района Иркутской области.

Муж оказался болезненно ревнивым человеком. Каждый взгляд и каждый разговор молодой женщины служили поводом для ревности. Он избивал жену, садил в колодку, чтобы она не выходила в его отсутствие и не показывалась людям. Свекровка оказалась сварливой и всячески потакала своему сыну. Она сообщала своему сыну Ута Хара Мухору о каждом поступке своей красивой невестки. Наконец она дошла до такой наглости, что при входе людей к ней в юрту, стала накидывать на лицо невестки платок.

Такое жестокое обращение со стороны мужа и свекрови пагубным образом подействовало на молодую женщину. Она стала припадочной, часто с ней случались умопомрачение, галлюцинации. Она приходила в исступление и стала камлать и призывать своих предков шаманов и шаманок. В такие минуты ее ничто не удерживало: ни истязания жестокого мужа, ни колодки и ни окарауливание (*охрана* – Л.Д.) свекрови. Она убегала в одном белье, без головного убора, ходила по улусу, камлала и призывала своих предков.

Однажды в отсутствии мужа она избила свекровку, села на жеребца и поехала домой. Когда она въезжала в родную Улейскую долину, где протекало счастливое детство, ей вспомнились игры с подругами, веселые *нааданы* с плясками и танцами. Все это подействовало на нее благотворно и она решила не возвращаться к своему жестокому мужу.

Через несколько дней в родном Тулэгэйском улусе был девишник, выдавали ее подругу замуж. Она пошла на девишник и приняла самое горячее участие в устройстве. Начались веселье, танцы и пляски. Она встала в круг пляски со своими подругами, пела и плясала без устали. До полуночи она не выходила из круга пляски. Голос у нее был хороший, звонкий и чистый, косы были длинные с украшениями, плясала она с большим мастерством. Собравшиеся на девишник молодые люди любовались ею, слушали с большим вниманием ее пение и смотрели мастерскую пляску. Она пела о жестокой доле девушки, выданной замуж, бесправном и угнетенном положении женщины, о своей разбитой жизни, о жестокости и безжалостности мужа, о сварливости и наглости свекровки и т.д. Народ слушал и поражался ее мужеству и находчивости. В полночь она вышла из круга со своими подругами. Их пригласили в юрту для угощения.

В соседнем улусе жил молодой парень Буржахан, ее первая любовь. Она любила его горячо. В тяжелой жизни с жестоким мужем и наглой свекровкой, ее жизнь была отравлена и пуста и ее ничто не привлекало. В душе ее теплилась слабая надежда на внимание со стороны ее любимого и обожаемого Буржахана. Только эта маленькая искорка связывала ее с жизнью.

До полуночи Буржахан был занят исключительно другой девушкой, с которой он рядом плясал. Он не обращал никакого внимания на превосходное пение и пляску Дүүхэй. Это сильно огорчило ее. После перерыва она вошла в круг пляшущих и встала через одного человека рядом со своим возлюбленным. Она пела о жизни, красоте жизни любящих друг друга людей, о первой любви, о верности любящего сердца, тяжелой участи отвергнутой любви и пр. Но Буржахан, наслышанный о ее жизни в супружестве и ее поведении в доме мужа, опьяненный новой любовью, глубоко преданный своей подруге и любящий ее, пропускал все мимо своих ушей и не обращал на нее никакого внимания.

Пылающая любовью, видевшая единственную надежду в своей жизни в любимом Буржахане, жаждущая его внимания, ищущая его любви, пылкая Дүүхэй не выдержала этого удара. Она вышла из круга и побежала в лес. Там сделала петлю из своего шелкового платка и повесилась» [1, *50-52*].

По сведениям С.П.Балдаева, «после смерти Дүүхэй многие молодые люди впадали в умопомрачение, в сумасшествие, приходили в исступление, ходили по улусу, камлали и призывали… Дүүхэй Баршутханову возвели в ранг *заянок*, стали устраивать ей общественные и индивидуальные жертвоприношения [там же].

В легендах об Улейской девушке интерес привлекает описание мастерского пения и пляски Дүүхэй на свадебном празднике *басаганай наадан* («игры девушки-невесты» или девишник). Вероятно, не случайно в культ *Улеэе олон* входили рано ушедшие красивые девушки с хорошими, звонкими и чистыми голосами и их «одновременное самоповешение … было истолковано местными шаманами как проявление воли тэнгэри, якобы избравшего души этих девушек в качестве солисток шаманского песнопения» [4, *80*].

Записанная и нотированная автором статьи шаманская песня Улейской девушки, вероятно, может быть отнесена к жанру заянских песнопений. Однако нужно отметить условность жанровых признаков заянского песнопения. Приведем пример с текстом песни Улейской девушки:

♩ = 60

А - рую- хан - иш сэ - бер - хэн - ши ша - рай маа - нил дөө,

ша - рай маа - нил дөө.

Ал - та - най - шье, мүн - гэ - нэй - шье бэ - шэ е - мөөл дөө,

бэ - шэ е - мөөл дөө.

Арюуханши, сэбэрхэнши шарай маанил дөө,
шарай маанил дөө,
Алтанайшье, мүнгэнэйшье бэшэ емөөл дөө,
бэшэ емөөл дөө.

Талгантайш тунгалаг(оо) шарай маанил дөө,
шарай маанил дөө,
Талахаши таряанайхи бэшэ емөөл дөө,
бэшэ емөөл дөө.

Талаантайши ябаһан(өө) бэе маанил дөө,
бэе маанил дөө.
Таалгандаа манайхи бэшэ емөөл дөө,
бэшэ емөөл дөө.

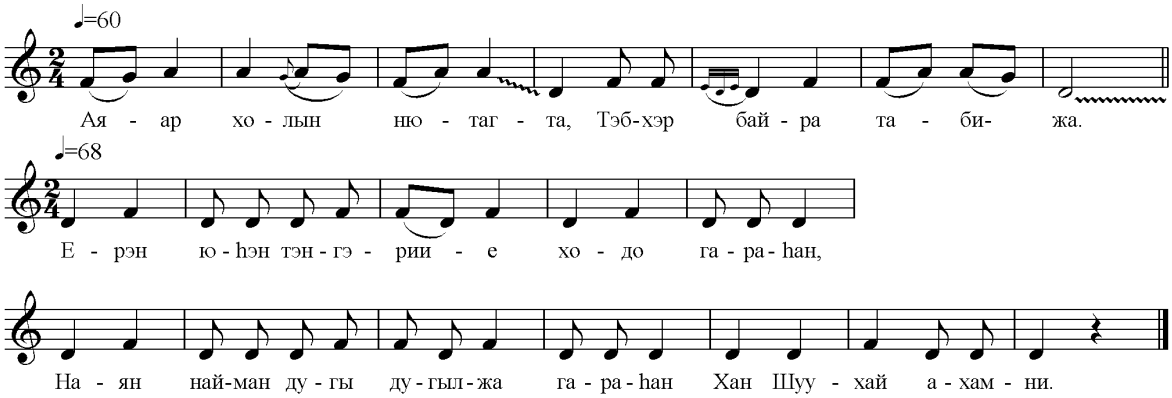
Прекрасное красивое мое лицо, мое лицо
Ни золотом, ни серебром не оценивается,
не оценивается.

Загадочное чистое мое лицо, мое лицо
Ни зерном, ни урожаем не оценивается,
не оценивается.

Моя счастливая жизнь (*девичья жизнь до свадьбы* – Л.Д.)
Больше мне не принадлежит, мне не принадлежит.

В песне Улейской девушки, состоящей из трех строф, реализованы две мелодико-ритмические формулы (далее МРФ). В основе 1МРФ лежит поступенное движение к побочной опоре *g*, и 1ритмоформула (далее РФ) представляет собой четырехслоговую структуру. 2МРФ строится на опевании полуопоры *es* с движением к главному опорному тону *c*. В каждой строке постоянный повтор словосочетания *шарай* (*бэе*) *маанил*, *бэшэ емөөл*[10] с утвердительной частицей *дөө* подчеркивается пятисложной 2РФ ямбической структуры. Причем заключительный оборот напева в ритме ямба строится на одной из типичных интонаций малой терции (*es-c*). В данном напеве нужно отметить ритмическую конфигурацию ненормативной строки, образованную из двух 1РФ равномерного и двух 2РФ ямбического типов. Учитывая особенности бурятского фольклорного стихосложения, такое строение, вероятно, коррелирует с шаманской песенной традицией.

Ладовая организация шаманской песни Улейской девушки представляет ангемитонный тетрахордный лад со структурой звукоряда (*c-es-f-g*), характерного для бурятских народных песен. Такое же ладозвукорядное строение (*d-f-g-a*) свойственно начальной строфе шаманского песнопения *бөө удха одёгон удха* («происхождение шамана и шаманки»), исполненного шаманом В.Е.Хархановым. В своем комментарии исполнитель подчеркнул роль женщин шаманок *одёгон* во время обряда поклонения бабушкам. Безусловно, семантику данного шаманского песнопения еще предстоит выяснить. В основном разделе песнопения реализован олиготонный лад, основанный на малой терции *d-f* .



Мелодия этого шаманского песнопения имеет сходство с образцом *бөөлөөшэн дуун*, записанного Д.С.Дугаровым от 74-летнего информанта Иванова Ивана Вагановича из рода *ноед* в улусе Кутанка Осинского района Иркутской области в 1970 г. [3, *110*]. В обоих примерах присутствует дихордный лад с интервальным строением малой терции *d-f* в нашем образце и большой терции *d-fis* в *бөөлөөшэн* из сборника Д.С.Дугарова. На мой взгляд, это варианты одного шаманского песнопения, вероятно, известного осинским шаманам и шаманкам. Кроме того, свидетельством этого является тот факт, что оба образца были записаны в селе Кутанка Осинского района Иркутской области с большой разницей во времени (тридцать восемь лет). Однако при устойчивой сохранности ладоинтонационного содержания изменилась обрядовая функция и семантика этого шаманского песнопения. Семантика *бөөлөөшэна*[11] или *найгуура* значительно отличается своей глубинной сакральностью, сложной символикой и поэтикой. Безусловно, уточнению специфики музыкальной традиции феномена *бөөлөөшэна* необходимо посвятить специальное исследование.

Таким образом, в результате анализа ритмической и ладовой организации шаманских песнопений западных бурят отметим их формульность, узкообъемные ангемитонные лады (в амбитусе терции и квинты). Однако, учитывая то, что анализ единичных образцов не может позволить судить о целой традиции, необходимость дальнейшего исследования музыкально-семантических особенностей шаманских песнопений бурят очевидна.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бөө* - «шаман, служитель шаманского культа» [6, *144*].

[2] Харханов В.Е. (1929-2008) – западнобурятский шаман *ёдоото бөө* из рода *онгой*, начал шаманскую деятельность в 1980 году. *Ёдоото бөө* или *жодоото бөө* (досл. «шаман, имеющий пихтовую кору») – «одна из жреческих степеней шамана, дающая ему право исполнять религиозные требы верующих жертвоприношением духам животных, с применением зажженной пихтовой коры» [4, *24, 51*]. К сожалению, внезапная смерть информанта нарушила планы дальнейшего экспедиционного исследования.

[3] *Бөө-удаганай* – «шаманские», *дуунууд* – «песни» (ед.ч. *дуун* – «песня»). Термин принадлежит известному бурятскому ученому этнографу, фольклористу и этномузыкологу Д.С.Дугарову.

[4] Вероятно, запрет на исполнение шаманской песни Улейской девушки связан с негативным воздействием заянов *Улеэе олон* (Улейские многие). Кроме того, не случайно бытовало народное поверье, что выдающиеся певцы рано умирают, поэтому певцы боялись особенно выделяться [2, *24*].

[5] *Заяан* – 1. по анимистическим воззрениям бурят, демиург, создающий зародыши людей и домашних животных; 2. по шаманистической мифологии, дух – защитник подопечных ему людей; 3. грубое, схематическое изображение почитаемого духа в форме деревянной фигурки или рисунка на лоскутке материи [4, *52-53*]. Существуют добрые духи (*Һайн заяан*), покровительствующие людям, и плохие (*муу заяан*), враждебные людям [там же]. Вредоносная сущность Улейских заянов очевидна.

[6] Рукописные материалы С.П.Балдаева хранятся в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

[7] Известно, что мужчины-улейцы живут до сорока лет, после с ними происходят трагические события (умопомешательство, аварии, убийство), в результате которых они преждевременно умирают. Возможно поэтому, по словам информанта С.Г.Балтухаевой (1942 года рождения), девушки других родов боялись выходить замуж за улейских парней, опасаясь за себя и свое потомство.

[8] *Буржухайн дүүхэй* (досл. «девушка Буржухая») – женщина из бурятского рода *онхотой*… наиболее почитаемая *заянка* у осинских бурят [4, *30*], настоящее имя которой Дүүхэй Баршутханова. По данным М.Н.Хангалова, она из шаманского рода *онгой* [5, *495*].

[9] *Бөөлөөшэн* (от *бөөлэхэ* – «шаманить, камлать, призывать духов-покровителей») адекватно *найгууру* (от *найгаха* – «покачиваться»). *Найгуур* – «религиозное шествие-гулянье молодых шаманистов, сопровождавшееся пением, ритуальным кривляньем лица, тряской тела и рыданием» [4, *28, 59*].

[1]0 *Маанил* в западнобурятском диалекте адекватно аффиксу *-мни-*, обозначающему первое лицо единственного числа, а *емөөл дөө* – вариант *юмэл даа* в значении утверждения.

[11] *Бөөлөөшэн* – коллективное камлание молодых шаманистов, которые в течение нескольких суток (иногда недель, месяцев), «преимущественно ночью, с колокольчиками в руках, пешком или верхом на лошади посещали дома своих одноулусников, призывая имя *заяна*…» [4, *27*]. Хоровые призывания заянов, импровизированное пение участников *бөөлөөшэна*, сопровождавшееся поклонами, покачиваниями и рыданиями, производили впечатление массового психоза, в который вовлекались новые участники [там же].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдаев С.П. Шаманство осинских и боханских бурят. Рукопись // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 1066, фонд 36, опись 1. – Улан-Удэ, 1947. – С. 48-49, 50-52.

2. Берлинский П.М. Музыкальная культура бурят-монголов. Рукопись // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. №5. – Верхнеудинск, 1932. – 67 с.

3. Дугаров Д.С. Бурятские народные песни. Песни западных бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. – 280 с.

4. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 126 с.

5. Хангалов М.Н. Собр. соч.: В 3-х т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т.1. – 551 с.

6. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь: В 2-х т. – Улан-Удэ, 2006. – Т.1. – 636 с.

Аннотация

В статье рассматриваются семантика шаманского культа и шаманские песни западных бурят. Легенда об Улейской девушке и ее шаманская песня записаны от западнобурятского

шамана В.Е.Харханова (1929-2008). Впервые представлен анализ музыкальной организации шаманских песнопений западных бурят.

In this article the semantic of the shamanic cult and shamanic songs of Western Buryat are considered. The legend about Uley's girl and her shamanic song are recorded by a Western Buryat's shaman V.E.Kharkhanov (1929-2008). The analysis of the musical organization of the shamanic songs of Western Buryat is first presented.